

Макар Чудра — эпизод 4 из 5

Ну, товарищ мой!
Поскачем, что ль, вперед?!
Одета степь суровой мглой,
А там рассвет нас ждет!
Гей-гей! Летим и встретим день.
Взвивайся в вышину!
Да только гривой не задень
Красавицу луну!
Вот пел! Никто уж так не поет теперь! А Радда и говорит, точно воду цедит:
Ты бы не залетал так высоко, Лойко, неравно упадешь, да в лужу носом, усы
запачкаешь, смотри. Зверем посмотрел на нее Лойко, а ничего не сказал
стерпел парень и поет себе:
Гей-гоп! Вдруг день придет сюда,
А мы с тобою спим.
Эй, гей! Ведь мы с тобой тогда
В огне стыда сгорим!
Это песня! сказал Данило. Никогда не слыхал! такой песни; пусть из меня
сатана себе трубку сделает, коли вру я!
Старый Нур и усами поводил, и плечами пожимал, и всем нам по душе была
удалая Зобарова песня! Только Радде не понравилась.
Вот так однажды комар гудел, орлиный клекот передразнивая, сказала она,
точно снегом в нас кинула.
Может быть, ты, Радда, кнута хочешь? потянулся Данило к ней, а Зобар
бросил наземь шапку, да и говорит, весь черный, как земля:
Стой, Данило! Горячему коню стальные удила! Отдай мне дочку в жены!
Вот сказал речь! усмехнулся Данило. Да возьми, коли можешь!
Добро! молвил Лойко и говорит Радде: Ну, девушка, послушай меня немного,
да не кичись! Много я вашей сестры видел, эге, много! А ни одна не тронула
моего сердца так, как ты. Эх, Радда, полонила ты мою душу! Ну что ж? Чему
быть, так то и будет, и... нет такого коня, на котором от самого себя ускакать
можно б было!.. Беру тебя в жены перед богом, своей честью, твоим отцом и
всеми этими людьми. Но смотри, воле моей не перечь я свободный человек и
буду жить так, как я хочу! И подошел к ней, стиснув зубы, сверкая глазами.
Смотрим мы, протянул он ей руку, вот, думаем, и надела узду на степного
коня Радда! Вдруг видим, взмахнул он руками и оземь затылком грох!..
Что за диво? Точно пуля ударила в сердце малого. А это Радда захлестнула

ему ременное кнутовище за ноги, да и дернула к себе, вот отчего упал Лойко. И снова уж лежит девка не шевелясь, да усмехается молча. Мы смотрим, что будет, а Лойко сидит на земле и сжал руками голову, точно боится, что она у него лопнет. А потом встал тихо, да и пошел в степь, ни на кого не глядя. Нур шепнул мне: Смотри за ним! И пополз я за Зобаром по степи в темноте ночной. Так-то, сокол!

Макар выколотил пепел из трубки и снова стал набивать ее. Я закутался плотнее в шинель и, лежа, смотрел на его старое лицо, черное от загара и ветра. Он, сурово и строго качая головой, что-то шептал про себя; седые усы шевелились, и ветер трепал ему волосы на голове. Он был похож на старый дуб, обожженный молнией, но все еще мощный, крепкий и гордый своей силой. Море шепталось по-прежнему с берегом, и ветер все так же носил его шепот по степи. Нонка уже не пела, а собравшиеся на небе тучи сделали осеннюю ночь еще темней.

Шел Лойко нога за ногу, повеся голову и опустив руки, как плети, и, придя в балку к ручью, сел на камень и охнул. Так охнул, что у меня сердце кровью облилось от жалости, но все ж не подошел к нему. Словом горю не поможешь верно?! То-то! Час он сидит, другой сидит и третий не шелохнется сидит. И я лежу неподалеку. Ночь светлая, месяц серебром всю степь залил, и далеко все видно.

Вдруг вижу: от табора спешно Радда идет.

Весело мне стало! Эх, важно! думаю, удалая девка Радда! Вот она подошла к нему, он и не слышит. Положила ему руку на плечо; вздрогнул Лойко, разжал руки и поднял голову. И как вскочит, да за нож! Ух, порежет девку, вижу я, и уж хотел, крикнув до табора, побежать к ним, вдруг слышу:

Брось! Голову разобью! Смотрю: у Радды в руке пистоль, и она в лоб Зобару целит. Вот сатана девка! А ну, думаю, они теперь равны по силе, что будет дальше!

Слушай! Радда заткнула за пояс пистоль и говорит Зобару: Я не убить тебя пришла, а мириться, бросай нож! Тот бросил и хмуро смотрит ей в очи. Дивно это было, брат! Стоят два человека и зверями смотрят друг на друга, а оба такие хорошие, удалые люди. Смотрит на них ясный месяц да я и все тут. Ну, слушай меня, Лойко: я тебя люблю! говорит Радда. Тот только плечами повел, точно связанный по рукам и ногам.

Видала я молодцов, а ты удалей и краше их душой и лицом. Каждый из них усы себе бы сбрил моргни я ему глазом, все они пали бы мне в ноги, захоти я того. Но что толку? Они и так не больно-то удалы, а я бы их всех обабила. Мало осталось на свете удалых цыган, мало, Лойко. Никогда я никого не любила, Лойко, а тебя люблю. А еще я люблю волю! Волю-то, Лойко, я люблю больше, чем тебя. А без тебя мне не жить, как не жить и тебе без меня. Так

вот я хочу, чтобы ты был моим и душой и телом, слышишь? Тот усмехнулся. Слышу! Весело сердцу слушать твою речь! Ну-ка, скажи еще!

А еще вот что, Лойко: все равно, как ты ни вертись, я тебя одолею, моим будешь. Так не теряй же даром времени впереди тебя ждут мои поцелуи да ласки... крепко целовать я тебя буду, Лойко! Под поцелуй мой забудешь ты свою удалую жизнь... и живые песни твои, что так радуют молодцов-цыган, не зазвучат по степям больше петть ты будешь любовные, нежные песни мне, Радде... Так не теряй даром времени, сказала я это, значит, ты завтра покоришься мне как старшему товарищу юнаку. Поклонишься мне в ноги перед всем табором и поцелуешь правую руку мою и тогда я буду твоей женой. Вот чего захотела чертова девка! Этого и слыхом не слыхано было; только в старину у черногорцев так было, говорили старики, а у цыган никогда! Ну-ка, сокол, выдумай что ни то посмешнее? Год поломаешь голову, не выдумает! Прянул в сторону Лойко и крикнул на всю степь, как раненный в грудь. Дрогнула Радда, но не выдала себя.

Ну, так прощай до завтра, а завтра ты сделаешь, что я велела тебе. Слышишь, Лойко!

Слышу! Сделаю, застонал Зобар и протянул к ней руки. Она и не оглянулась на него, а он зашатался, как сломанное ветром дерево, и пал на землю, рыдая и смеясь.

Вот как замаяла молодца проклятая Радда. Насилу я привел его в себя.

Эхе! Какому дьяволу нужно, чтобы люди горе горевали? Кто это любит слушать, как стонет, разрываясь от горя, человеческое сердце? Вот и думай тут!..

Воротился я в табор и рассказал о всем старикам. Подумали и решили подождать да посмотреть что будет из этого. А было вот что. Когда собрались все мы вечером вокруг костра, пришел и Лойко.